

Галина Умывакина

«КАК В ЗЕМЛЮ ЗАКОПАННЫЙ КЛАД...»

Об одной фотографии Анны Ахматовой

Памяти Виктора Гордина
(1940—1992)

Эту фотографию я показывала только близким друзьям, приходившим ко мне, и редко выносила из дома. За многие годы она всего несколько раз покидала убежище моего книжного шкафа. Я показывала ее В. П. Скobelеву и В. А. Свительскому, О. Г. Ласунскому и А. С. Крюкову, Л. Косякову и Д. Заславскому, словом, людям, проявлявшим к ней не праздный, а особенный — «литературно-исторический» интерес.

А она продолжала ждать и жить, подвластная собственным законам, и тот у нее еще был характер! Надежно помещенная в укромном месте, она неоднократно «терялась» среди моего расхристанного бумажного хозяйства, пряталась в какой-нибудь книге, подолгу не находилась, пугая меня, но потом неожиданно являлась на свет, когда ей заблагорассудится, то ли дразня, то ли напоминая мне о своей хранимой до поры до времени тайне, которую я должна когда-нибудь раскрыть...

Когда в начале 80-х годов уже прошлого века Н. Е. Штемпель и В. А. Гордин, преподаватель химфака ВГУ, собирали иллюстративный материал для рукотворного «самиздатовского» фотоальбома «Осип Эмильевич Мандельштам в Воронеже», — фотография пригодилась. Составители фотоальбома старались воспроизводить на его страницах подлинные снимки 30-х годов. И так как фотографии Анны Ахматовой этого периода не удалось отыскать, именно «мою» переснял для него Виктор.

А четверть века спустя, когда в сентябре 2008 года в Воронеже открылся памятник Мандельштаму и к этому событию прибыл из Москвы сборник «Осип Мандельштам в Воронеже» (Осип Мандельштам в Воронеже. Воспоминания. Фотоальбом. Стихи. К 70-летию со дня смерти О. Э. Мандельштама. Москва, 2008. С. 98.), фотография, обнародованная в

нем, как бы заново родясь, получила права на публичное существование.

Собираясь 8 февраля 2011 года в библиотеку им. А. Кольцова на вечер «Звезда с звездою говорит...», посвященный 75-летию приезда Анны Ахматовой к сосланному в Воронеж Осипу Мандельштаму и пятилетию открытия мемориальной доски в честь этого события, я решила захватить с собой фотографию. И, прочитав надпись на ее обороте, обнаружила, что у фотографии тоже юбилей: ей уже 65 лет, да и у меня она хранится под спудом почти 40 лет, а я за эти годы так и не озабочилась узнать что-либо о ней, о ее адресате и авторе.

И, кажется, впервые подумала: вот этой фотографии касались руки Ахматовой. И все-гто три «рукопожатия» отделяют меня от нее...

Но пора, наконец, и моим вероятным читателям узнать, что речь идет о подлинной фотографии Анны Ахматовой, на обороте которой — автограф: «Милой Гаянэ Аветовне Тушмаловой — дружески — Ахматова 27 февр. 1946.».

Подарил мне эту фотографию осенью 1972 года Константин Медведев — театрал, приезжавший в Воронеж откуда-то с Урала на балетные спектакли. В доме тогдашнего главного балетмейстера Театра оперы и балета Г. Г. Малхасянца мы и познакомились.

За прошедшие десятилетия я подзабыла имя и фамилию щедрого дарителя, место его проживания (то ли Пермь, то ли Свердловск?) и дату получения мной фотографии, но припомнила, что вместе с ней он преподнес какой-то дореволюционный поэтический сборник. Пересмотрев имеющиеся в моей библиотеке антикварные книги, я нашла дарственную надпись на 3-ем томе сочинений Валерия Брюсова 1909 года издания: «С глубоким уважением. К. Медведев. 13.X.72. г. Свердловск».

Как мне помнится, К. Медведев рассказывал, что незадолго до своей смерти Г. А. Тушмалова передала фотографию ему. Сама же она — женщина интеллигентная, большая почитательница поэзии — будто бы получила фото в знак благодарности за продуктовую посыпочку, которую отправила в Ленинград Анне Андреевне.

Почему Медведев решил расстаться с редким раритетом и подарил фото именно мне?

Наверное, я рассказывала ему о приезде Ахматовой к Мандельштаму и читала стихотворение «Воронеж». Могла упомянуть о письме к Анне Андрееве, бездумно отправленном мной, студенткой первого курса филфака, и, как выяснилось много позже (в 1981 году), таки дошедшем до адресата. Или он посчитал, что мне, пишущей стихи и живущей в атмосфере юношеского безоглядного преклонения перед Поэзией, фотография ближе и нужнее, и я смогу ее дольше и бережнее сохранить. А, может, потому, что ахматовский автограф «совпал» с годом моего рождения и бесценный подарок, судя по надписи на книге, был приурочен к моему 26-летию?

Словом, хочется думать, что фотография, посланная в Свердловск через 10 лет после приезда Ахматовой в Воронеж в феврале 1936 года, попала ко мне не случайно.

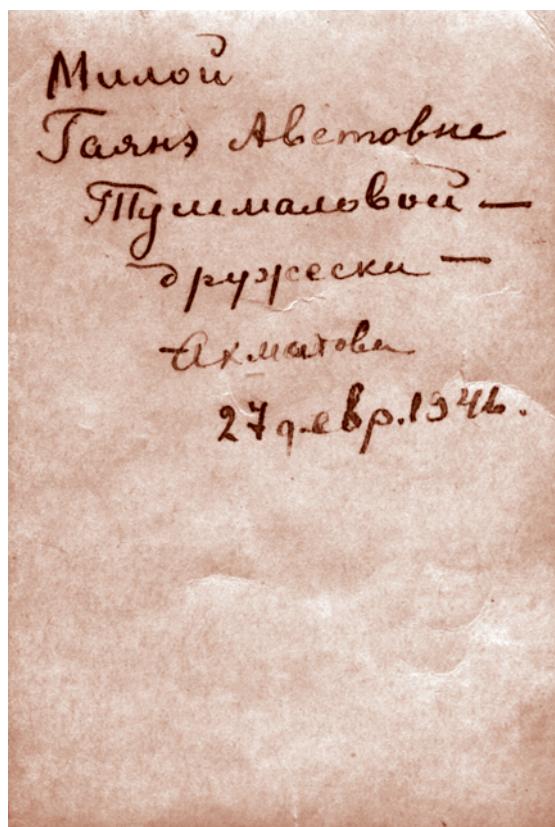
Некое силовое поле «поэтического притяжения» существовало в Воронеже в годы моего студенчества (1964–1969). Атмосферу тех лет, моих старших наставников и друзей-рөвсников я вспоминаю с благодарностью.

И обозначить некоторые параметры, приметы той поры, в том числе и «ахматовский контекст», попытаюсь не в категориях научных, но личностных, биографических, отчасти творческих.

Это было время духовного воспитания и взросления на университетских лекциях и в библиотеках, пора обретения внутренней свободы — прежде всего через чтение с трудом добываемых книг и поэтического «самиздата», в первую очередь, конечно, — великой четверки русской поэзии XX века: А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Цветаевой, О. Мандельштама. Строки, им посвященные, звучали на Днях поэзии ВГУ, их стихи переписывались и передавались изустно. Именно тогда десять стихотворений из «Воронежских тетрадей» О. Мандельштама были подготовлены к печати профессором ВГУ А. И. Немировским и впервые в СССР опубликованы в журнале «Подъем» (1966, № 1). Тогда же стали доходить до Воронежа самыми разны-

*Две стороны одной фотографии.
Портрет А. А. Ахматовой.
Из собрания Г. Умывакиной*

ми путями и зарубежные «тамиздатовские» публикации...

Еще в середине 60-х годов мне, как и другим, входил в ее дом, Наталья Евгеньевна Штемпель давала читать машинопись «Воронежских тетрадей», рассказывала о Мандельштаме, о своих встречах с Анной Андреевной («Ясная Наташа»). Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. К 100-летию со дня рождения Н. Е. Штемпель. Москва-Воронеж: Кварта, 2008. С. 93—94), о дружбе и переписке с Н. Я. Мандельштам и, конечно, о приезде Ахматовой к ссыльному поэту.

Готовя в 2010 году рукопись книги избранных стихотворений «Родительская суббота», я обнаружила в моем юношеском блокноте тому «документальное» подтверждение: полузаытое, написанное в 1965 году стихотворение, навеянное приездом Ахматовой к ее опальному другу.

*В чужом дому на стенах тени стынут,
и голос не придуманный, но бывший:
«Простит хулу Воронеж, но простим мы,
его простим ли, Анна, слышишь?..»*

А в мартовские дни 1966 года студент филфака, университетский поэт, мой друг Аркадий

Слущкий (ныне профессор Краснодарского университета культуры и искусства) встречался в Москве с Н. Я. Мандельштам и писал мне в Воронеж: «Был у Надежды Яковлевны...Она сегодня вернулась из Ленинграда. Была на похоронах Анны Андреевны. Четыре дня были всякие службы, панихиды, поминки. Похороны были церковные...».

Пять лет назад свидетельства более поздних встреч А. Слущкого с Н. Я. Мандельштам оставлены в ее письмах к Наталье Евгеньевне в книге «Надежда Мандельштам. Об Ахматовой» (Надежда Мандельштам. Об Ахматовой. М.: Новое издательство, 2007. С. 400, 404.). К слову, на фотографии, опубликованной там же, среди провожавших А. Ахматову к последнему пристанищу на комаровском кладбище, есть и воронежец Александр Крюков (ныне профессор ВГПУ), — тогда начинающий, но уже стойкий «ахматовед».

И уж из совсем недавно обнародованного письма Н. Е. Штемпель к Н. Я. Мандельштам от 3 апреля 1966 года узнала, что Аркадий отвозил Надежде Яковлевне экземпляры «Подъема» со стихами Мандельштама («Сохрани мою речь...». Вып. 5. [Ч.1]. М.: РГГУ, 2011. (Записки Мандельштамовского общества. Т. 19.) С. 98.).

Скульптор Юрий Астапченко в момент установки мемориальной доски на здании по воронежскому адресу А. А. Ахматовой

А 46 лет назад, когда Аркадий возвратился из Москвы в Воронеж, мы по улице Пятницкого дошли до площадки, где когда-то стоял «дом без крыльца», в котором снимала комнату чета Мандельштамов. С собой у нас были первые весенние цветы, бело-зеленые анемоны, и мы бросили их вниз, в черноту вечерних воронежских улиц — в память об Анне Ахматовой и Осипе Мандельштаме.

Волею судеб совсем близко (зима-весна 1966 года) сошлись уход Анны Ахматовой и начало возвращения к читателю Осипа Мандельштама...

Но, быть может, существует «тайна» силового культурного поля жизни, некая закономерность в цепи дат, мест и событий, размыкающая время и пространство в обе стороны?

Примерно в то же время, когда Ахматова надписывала фотографию, о которой я рассказываю, она опубликовала в журнале «Ленинград» (1946, № 1–2) подборку стихотворений, куда вошло и стихотворение «Памяти друга» («И в День Победы, нежный и туманный...»), посвященное С. Б. Рудакову, одному из самых близких людей в кругу воронежских знакомых четы Мандельштам. То есть, именно тому человеку, который встречал, провожал, ежедневно сопровождал ее во время приезда в наш город. А в конце 2011 года, когда в Областном литературном музее им. И. С. Никитина наконец-то открылась экспозиция «Осип Мандельштам в Воронеже», профильный рисунок А. Ахматовой, сделанный Сергеем Рудаковым 7 февраля 1936 года, расположился рядом с ее стихотворением «Воронеж».

«Бывают странные сближения»... Сейчас многие и часто цитируют эту обмолвку Пушкина. Впрочем, можно вспомнить и Ахматову: «И тесен назначенный круг». Вот и я с удивлением обнаружила: на фотографии Ахматовой то же число и месяц, что и в последнем воронежском адресе, где Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна прожили с осени 1936 по май 1937 года и откуда уехали в Москву: ул. 27-го Февраля, 50. И, может быть, все-таки не случайно «моя» Ахматова на страницах альбома снова встретилась с Мандельштамом и Воронежем?..

27 Февраля — это же в честь Февральской революции? Выходит, в 1937 году ее еще не вычистили из биографии страны и исторической памяти? Как видно, были чистки поважнее...

А в моей, как говорится, творческой биографии тоже был эпизод, связанный с этой революцией и с Ахматовой. Я написала стихотворение «Какая белая зима...», где при-

существовали реминисценции, восходящие к ее стихотворению «Воронеж». И хотя времена, по слову Ахматовой, стояли вполне «вегетарианские», они не были вовсе уж беспроблемными.

Стихи напечатали в 1967 году всего-то в университетской многотиражке, в специвыпуске «День поэзии ВГУ», но в строчках —

*Молчат усталые вороны
февральской родины моей —*

«февральской» цензура заменила на «январской». Когда я спросила о причине такой странной замены, мне ответили: «Это чтобы читатели не подумали, что твоя родина — это родина Февральной революции».

Но пора, пожалуй, вернуться к фотографии, которая все не давала мне покоя, и я стала листать книги в своей библиотеке. В точности такую я отыскала только в уже упомянутом мной сборнике: «Надежда Мандельштам. Об Ахматовой». Подпись под ней отсыпала в С.-Петербург, в Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, и датировалась она 1950-ми годами. Но на «моей» рукой Ахматовой про-

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ в Воронеже

К 70-летию со дня смерти О. Э. Мандельштама

1934 год
1935 год
1936 год
1937 год

*Сборник «Осип Мандельштам в Воронеже»
(Москва, 2008), где воспроизведена
страница из рукописного самиздатовского
альбома Н. Е. Штемпель и В. Л. Гордина
с фотографией Анны Ахматовой*

Гаянэ Аветовна Тушмалова

ставлен 1946 год?.. Я написала директору Музея письмо, где просила уточнить дату и источник публикации, но ответа не получила.

Попалась мне на глаза и фотография 1940 года, на которой А. Ахматова запечатлена с сыном соседки по квартире Валей Смирновым — мальчиком, что погибнет в блокаду и памяти которого Ахматова посвятит два стихотворения в цикле «Ветер войны». А обратила я на нее внимание, потому что на Анне Андреевне было то же платье, темное в светлый мелкий горошек, правда, бусы другие: не «ожерелье черных агатов», а белые. Между двумя фотографиями — 7 лет... И каких!

«Из года сорокового» до года 46-го не просто календарный срок. Это времена лишений и бед, мужества и испытаний, выпавших на долю Ахматовой, ее народа, ее страны. Страшная, долгая война, блокада города, «любимого с детства», эвакуация, нужда и тяжелая болезнь, страх за арестованного сына, тревога о заветных друзьях...

И она — «плакальщица дней погибших», чьи строки «мечены каторжным клеймом», мерящая час общенародного Мужества аршином поэта: «И мы сохраним тебя, русская речь...» — семь лет все в том же платье!?

Наверное, кстати пришлась ей продуктова посыочка из Свердловска от Г. А. Тушмаловой...

Так почти ничего не прояснив из биографии «моей» фотографии и располагая скучными сведениями о ее адресате, я без всякой надежды заглянула в Интернет и, к своему удивлению, таки обнаружила ссылки:

Гаянэ Аветовна Тушмалова (1892–1971) — «человек редкой Культуры, интеллигент до мозга костей», оставил заметный след в истории театра на Урале. «Прожила жизнь, полную трудов и лишений, любви и признательности».

В ноябре 2009 года в екатеринбургском Доме актера прошли вечер, ей посвященный, и презентация книги о ней «Памятью учеников жива».

Пространный отклик Марины Романовой об этом событии был размещен на сайте Министерства культуры РФ:

«...Гаянэ Аветовна. Уже само имя звучит величественно и красиво. Тушмалова представляла редкую профессию — преподаватель сценической речи. О ней вспоминают так: армянка, лучше которой мало кто говорил по-русски. От того, какая речь звучит с театральной сцены и с телевизионного экрана, во многом зависит, как говорит нация...

Авторы книги Виталий Болозович и Юрий Сыркин — «технари» по образованию, в свое время они занимались у Гаянэ Аветовны в студии выразительного чтения на Уралмаше. Они собрали большое количество документов о жизни Тушмаловой, свидетельства ее современников, и создали портрет этой яркой, удивительной женщины.

Эта женщина стоит у истоков театральной школы Урала... Ее творческие приемы используются при подготовке нового поколения артистов. Вот только личность ее остается уникальной — ее не повторить».

Я связалась с сотрудниками Дома актера, которые, в свою очередь, отыскали одного из авторов-составителей сборника — 78-летнего Ю. С. Сыркина, приславшего мне книгу «Памятью учеников жива».

Оказалось, что в 1908–1912 годах Г. А. Тушмалова жила в Петербурге, училась на драматических курсах, посещала литературные курсы Раевского. И, наверное, в ту пору она и познакомилась с А. Ахматовой.

В сборнике есть упоминания об их отношениях, записанные составителями:

«Рассказывает Э. М. Чарели:

Гаянэ Аветовну и Анну Андреевну связывала давняя дружба. Очень часто Тушмалова рассказывала мне об Ахматовой, искренне сопреживая страданиям, душевным потрясениям, которые испытывала Анна Андреевна в своей непростой жизни. Гаянэ Аветовна боготворила эту величайшую поэтессу за ее талант, за ее мужество, за ее несгибаемый характер, за ее человеческое достоинство. Анна Андреевна отвечала взаимностью. При личных встречах Ахматова любила читать Гаянэ Аветовне свои новые стихи, а также стихи классиков армянской литературы, переведенные на русский язык.

Хорошая знакомая Гаянэ Аветовны И. С. Михайлова вспоминает:

Я знаю, что Гаянэ Аветовна дружила с Вертиным, Яхонтовым, Журавлевым, что она была знакома с В. Маяковским, А. Толстым. Но с особой теплотой она относилась к Ахматовой. Однажды, перед моим отъездом в Ленинград, Гаянэ Аветовна сказала мне: «Ты будешь в Репино — это совсем близко от Комарово, сходи к Анне Андреевне» (Болозович В. Т., Сыркин Ю. С. Памятью учеников жива. Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2009.).

Книга с благодарными признаниями учеников Г. А. Тушмаловой вышла почти через четыре десятилетия после смерти адресата фото-

графии. А память о ней сохранилась надолго, что факт, согласитесь, редкостный, особенно когда речь идет о деятелях провинциальной культуры.

Оставалось попытаться найти автора фотографии. И я вновь обратилась к помощи Интернета. На одном из сайтов я увидела фото Ахматовой в том же платье, в тех же бусах, с той же прической и так же на фоне книжных полок, что и на «моей» фотографии. Правда, она была изображена стоя и в фас, а на «моей» — в том же интерьере, но сидящей и в полупрофиль. Под фотографией была подробная подпись: «Анна Ахматова в квартире Иды Наппельбаум. Ленинград. 1945. Фото И. М. Наппельбаум».

Думаю, хотя бы несколько слов нужно сказать и об этой женщине, причастной к истории фотографии, посланной Ахматовой ее свердловской корреспондентке.

Наппельбаум Ида Моисеевна (1900–1992), дочь знаменитого фотохудожника М. С. Наппельбаума — автора многих фоторабот, посвященных деятелям культуры первой половины XX века. Ученица Н. Гумилева, она посещала занятия в его студии «Звучащая раковина», знала многих поэтов «серебряного века». В послереволюционные годы в фотосалоне своего отца на Невском проспекте устраивала литературные «понедельники», на которых бывали Ахматова и Мандельштам и где гостей угостили чаем и подкармливали бутербродами. Автор поэтических сборников «Мой дом» (1927), «Отдаю долги» (1990) и книги мемуаров, куда вошел и очерк о Мандельштаме «Слепая ласточка». Разделив судьбу миллионов соотечественников, была репрессирована в годы борьбы с космополитизмом и в 1951–54 годах находилась в Озерлаге (Тайшет).

Начавшееся в 1920-х годах общение поэтов с семейством Наппельбаум продолжалось и в последующие десятилетия. О чем свидетельствуют и фотография Ахматовой, сделанная И. М. Наппельбаум в 1945 году, и воспоминания Н. Е. Штемпель, где она, говоря о приезде в Москву летом 1937 года, пишет: «После концерта мы ... отправились на квартиру Наппельбаума, где остановились Мандельштамы.» (Осип Мандельштам. Воронежские тетради. Стихи. Воспоминания. Письма. Документы. Воронеж: Издательство им. Е. А. Болховитинова, 1999. (Составитель: В. А. Свительский). С. 228.).

Ида Моисеевна Наппельбаум

В Интернете я нашла мемуарный очерк И. М. Наппельбаум «Фон к портрету Анны Андреевны Ахматовой», ссылку на который «подсказала» мне автор путеводителя «Петербург Анны Ахматовой» И. С. Вербловская — племянница Осипа Мандельштама, приезжавшая в Воронеж на открытие памятника поэту. Оказалось, что очерк «Фон к портрету Анны Андреевны Ахматовой» был опубликован в вышедшей уже после смерти автора и выдержавшей три издания мемуарной книге Иды Наппельбаум «Угол отражения: Краткие встречи долгой жизни».

Рассказывая о встречах с Ахматовой в разные годы, автор воспоминаний пишет: «Прошла война. Люди из ада смерти возвращались к жизни. Пусть опустошенной, голодной, но жизни. Мы сидели в моем доме уже не на Невском, а в маленькой квартире писательского дома на улице Рубинштейна.

…Я предложила Анне Андреевне сняться. Она охотно встала у книжной полки, и я старомодным аппаратом сделала ее снимок на фоне книжного ряда» (Наппельбаум И. М. Угол отражения: Краткие встречи долгой жизни. Изд. 3-е. СПб: Издательский дом «Петро», 2004. С. 105.).

Там же воспроизведена фотография Ахматовой.

Уточнить цитату и страницу в печатном издании мне помогла киевская исследовательница творчества А. Ахматовой П. Е. Побerezкина (мы с ней познакомились на VI Мандельштамовских чтениях в Варшаве в сентябре 2011-го года).

А в октябре того же года с результатами своих «ненаучных изысканий» я познакомила участников Всероссийской научной конференции ««Воронежский текст» русской культуры». (ВГУ. Кафедра русской литературы XX и XXI веков).

Воистину сбылось сказанное Ахматовой:

*А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад...*

40 лет было отмеряно мне, чтобы «клад» этот найти. И не мне одной. Пересеклись

жизненные дороги и соединились усилия памяти многих людей, живших в разные годы в разных городах, чтобы «тайна» фотографии Анны Ахматовой, проделавшей путь из послевоенного Ленинграда в Свердловск и волею случая через 26 лет оказавшейся в Воронеже, приоткрылась. Казалось бы, надежно запрятанная временем и «промолчавшая подряд» 65 лет, она в «назначенный час» обрела свою историю.

Зимой 1946 года Анна Ахматова, как будто предрекая, предчувствуя новые беды и испытания, написала:

*Теперь меня позабудут,
И книги скниют в шкафу.
Ахматовской звать не будут
Ни улицу, ни строфу.*

А через полгода обрушилось приснопамятное «Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград»», где ее заклеймили позором, подвергли уничижениям, по сути учинили над ней литературную казнь.

Прижизненное признание и посмертная слава не обошли Ахматову. Но, увы, одно ее предсказание «затянулось» уж слишком долго, во всяком случае, для Воронежа: нет пока у нас Ахматовской улицы, как нет и улицы Мандельштама… Но в нашем городе есть читатели и почитатели двух великих поэтов. По подписным листам «всем миром» мы собрали средства для мемориальной доски (скульптор Ю. Астапченко), увековечившей Ахматову и ее ссылочного друга. И в мае 2006 года она заняла подобающее место на доме (ул. Поднабережная; с весны 1938 года — ул. 20-летия ВЛКСМ, 59), в котором останавливалась Анна Ахматова.

На той же странице фотоальбома «Осип Эмильевич Мандельштам в Воронеже», где помещена «моя» фотография, речь идет и о Ф. Ф. Маранце — хозяине квартиры, у которого на несколько февральских дней 1936 года нашла приют Ахматова. Там же помещена его фотография. Удивительно: у текста и фотографии тоже есть своя «тайна». Но это уже другая история…

